

Содержание

Иван Новиков	
Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным	7
Александр Бестужев-Марлинский	
Испытание	46
Дмитрий Мамин-Сибиряк	
Последнее искушение. <i>Святочный рассказ</i> . . .	161
Екатерина Краснова	
В старом доме	175
Надежда Лухманова	
Жизнь.	201
Сила любви	222
Где выход?	239
Жалость сильнее любви	254
Свет и тени женского сердца <i>Рождественский рассказ</i>	272

Анастасия Чеботаревская
Холодный сочельник. 302

Казимир Баранцевич
Бокал шампанского. 320

Сергей Ауслендер
Веселые Святки. 339

Василий Авсеенко
Под Новый год. *Из «Петербургских очерков»* . . . 403

Иван Новиков
(писатель кон. XVIII в.)

**Новгородских девушек
святочный вечер, сыгранный
в Москве свадебным**

Около Новагорода и Пскова жил один дворянин, оставшийся после родителей своих в малых летах сиротою, не имевший никого и родственников, кроме одной сестры, одинаких с ним лет, около двадцати пяти; и хотя при крещении и назван он был Селуяном и происходил от давней фамилии Сальниковых, однако не имел счастья содержать себя по чести дворянина, с малых лет воспитывались он и с сестрою щедростию людскою, а возмужавши, за неимением, как и у батюшки его, крестьян, принужден пропитание иметь по образу родительскому трудами своими, вспахивая и удабривая землю сам в рядовую с прочими чужих господ крестьянами, ибо у него земли было довольно, равно сохи, бороны, серпы и косы находились в добром здорovie, а сестрица его, как девушка взрослая, не оставляла также, чтоб не прилагать прилежного

смотрения иметь за домом и за скотиною. Сему дворянину во оной жизни, по много прилагаемым в поле в вожений домой и убиении хлеба и сена трудам, несколько понаскучило, и для того довольно разумевши русской грамоте и острых ко всяким обманам замыслов и затеев, понявших у бывшего своего учителя дьячка, чело века проворного и к тому ж, как и он, лукавству обывлого, посоветовал, спросивши его и принявши наставление, вздумал ходить за приказными ябедами, коих в тамошнем краю в то время очень много бывало, стряпчим; и так посвятя себя оным чином, ездя по окольным деревням с наставником своим, пересказывал о себе, что он в стряпческом искусстве весьма знающ, причем и учитель его тож самое подтверждал и выхваливал, почему, во-первых, поссорившиеся между собою крестьяне, приходя к нему, просили справедливого и скорого на словах решения и удовольствия, а он и судил каждого по достоинству дела, обирая принесенное и с ответчика, и с челобитчика поровну, а кто больше даст, тот и прав, хотя бы и подлинно был виноват, но ослепленные их глаза тому веривали; кто же его судом бывали недовольны, тем писывал к господам челобитные и наставлял доброхотных дателей получше, нежели скупых и несмысленных; потом осыпали его множество мелкотравчатых

дворян и письменными просьбами с доверенностию, чтоб ему за их делами хождение иметь и по приказам. И так наш Селуян не пешком ходит, а стал уже и ездить на одаренных господами лошадах в губернию и провинцию по-дворянски, обманывая всячески, как его главный над такими людьми затейщик и коновод сатана, учитель и собственные его лукавые к корыстолюбию замыслы того требовали.

В соседстве с ним, Селуяном, была вотчина богатого господина Кошкодавова, который по государеву указу имел пребывание и с боярынею своею в Москве, а в вотчине оставлена полномочною госпожою дочь, именуемая Грушинькою, лет десятков двух с барышком, которая во всем околотке по отцовскому богатству и по пригожеству ее лица других околичных тут девушек превосходила и была завидная невеста; а поелику и Селуянушка наш, хотя перед нею был мизерного состояния, но имел вид не только не дурной и не отвратительный, но и приятный и приманчивый, и, одним словом, похожий на хорошую девку.

Во время Святков во всех местах на Руси у обоего пола, возраста, достоинства и достатка людей бывают ночные сборищи, в городах комедии, в деревнях у дворян вечеринки, а у крестьян и другой черни игрища. В то время вздумалось

и Груняше Кошкодавой тою же невинною забавой повеселиться, а для того и созвала к себе соседских дворянских девушек пар десятков, между коими приглашена была и Селуянова сестра Фетинья; а как и Селуянушке в своем увеселительном подворье дня два-три одному праздновать показалось скучновато, то просил свою сестрицу, чтоб и она его, нарядивши в женское платье и назвавши сродницею, взяла туда же с собою повеселиться. Та сперва несколько тревожилась, но по усиленной его просьбе взята склонилась; и так, севши в сани, приехали к госпоже Кошкодавой, которая встречала всех равно, как подружек, с почтением ее званию.

Во время обыкновенной по гудку и по песням деревенской пляски и весь вечер Груняшина мамка пристально глядела на Селуяна, немало раз выдаючи у их приказчика; но при всех его для своей боярышни, как званую гостью, изобличить не смела, что и Селуян, как на увертки бабьи остр ни был, однако плотненько стал думать, что его примечают; выведши мамку в другой покой, где никого не было, тихонько, забыв стыд по своему дворянству, повалился ей в ноги со всего маху. Мамка, поднимая его с земли, говорила: «Как тебе, сударыня, не стыдно так трудиться, и чего от меня требуешь? Я служанка, ничем тебе пособить не могу!» Селуян, без всякого притворства

вынувши из кармана пять рублевиков и сунув ей в руки, говорил: «Любезная мама! Будь же от сего времени и мне няня; ежели ты мне теперь не поможешь, то умру перед твоими ногами или пропаду, как червь капустный! Безмерная моя к твоей боярышне любовь завела сюда, как обведенного мертвою рукою; помилуй, помоги как-нибудь и скрой сию тайну по своему благоразумию!» Мамка, стоя долгое время, не говоря ни слова, смотря попеременно то на Селуяна, то на данные им монеты, кои в старину весьма дороги бывали, у таких людей, как мамка, и копейка иногда становилась ребром. Напоследок, как серебро ослепило очи сей мудреной бабе, коя сочла Селуяна весьма великодушным, а себя признавала богатеишею на свете, одумавшись, ему говорила: «Ну! Селуяша, простое твое сердце принуждает меня за тебя вступиться и сделать навек счастливым: будь надежен, что сей же вечер и без попа свадьбу сыграем; ныне такие веселые вечера, только будь же и скромн, после того никому не сказывай; дабы и обоим не попасться в дедушкин чулан!» Он, поклонясь ей, говорил: «Что принадлежит до моих услуг, то я тебе дал в задаток, а опосле наиболее отплачивать стану, а о тайности, пожалуй, не сомневайся; я человек неболтливый — хотя и теперь в застенки, то, ей-ей, худого не скажу». Мамка ему повторила:

«Здесь калякать нечего, дабы кто не присмотрел; я однажды сказала, что за твою дружбу не неблагодарною буду; дело уже сделано!» — с чем и возвратились к собранной компании, будто ничего не знают и вместе не бывали.

Когда от пляски у всех ноги приустиали, а головы клонить стал сон, то хозяйюшка приказала подать ужинать, а мамка перед тем выдумала хитрость — поиграть другим манером, нарядивши Селуяна и несколько девушек во оставшее господское платье, дабы было обоего пола попарно.

Первого подвела к своей боярышне с приказанием, чтоб она почитала как своего жениха; равно и прочих рассадивши погнездно, сказала, что сей вечер у всех у них свадебный, и после бы ужина ложились спать на одних кроватях. По окончании стола пошли все с великим хохотаньем и целованьем провожать до назначенных покоев, во-первых, хозяйюшку, а потом и других. Селуян, взвалясь на мягкую и широкую постель, на какой и отроду еще не сыпал, коснулся во-первых скверною рукою своею до Груняшина нежного тела, по приказанному порядку, потом, обнимая ее, дает преисполненные пламени поцелуи; к торжественной же их радости во мгновение представляется маленький божок любви и выстрелил в них из первого колчана золотою стрелою, которые удары уязвили и разожгли их

сердца и воспалили чувства. Груняша с час времени отважилась противиться и хотела отложить Селуяново благополучие до того времени, чтоб соединить удовольствие с честью; но, ведая притом, что снисхождение лучше сопротивления, нежность сердец их трепещет, любовь и стыд покрывает лица румянцем, потом исчезает стыд, любовь одна остается верховною над ними властительницею, плоть ослабела, и древний враг змий не преминул искусить их своею мудростию и окончил то, что начал с крыльями мальчик. Селуян, как в превеликой горячке, обнимая Груняшу повсеместно, озирает ее прелести пламенными своими глазами, не отпускает губ своих от прекрасных ее грудей и пребывания любовных приятностей места, отдались оба совокупным объятиям, и один ждет в минуту наслаждения, а другая уже довольствуется невиданною утехою. Напоследок благополучный Селуян получил себе право увенчанного любовника и услаждения прямого счастья. Подлинно счастлив тот стократно, кто находит девство; сокровище сие весьма дорого, но заразить любовию сердце и еще того дороже, как следующее покажет.

Понутру очень рано вставши, мамка, обходя все покои, где спали молодые, поздравила с добрым утром, кои были все уже проснувшись, а дожидались только, чтоб подали свеч

или открывали окошки. Потом пришла она и к боярышне в спальню; но сии последние два затворника, утомившись от вкушения запретительной забавы, предались сладости приятного покоя, и мамка их нашла обнявшихся и руками, и ногами: и дабы сия тайна никому, кроме ее, была неизвестна, то сия попечительница, взявши ключ, спаленку приперла покрепче и, как знающая все перевероты женщина, сама с собою подумала, что, конечно, сия парочка ночью против других мало имела покоя. Подошедши в другой раз тихонько к дверям, побудила боярышню; и она, увидя ее, с покраснелым лицом спряталась под одеяло и говорила, запыхавши, дрожащим и несмелым голосом, чтоб она хотя еще на часок времени дала понежиться, ибо у нее от вечерней пляски очень ноги поопухли, а с свадебного хохотанья весьма брюхо болит. Хотя ж, было, некоторые девушки безо всякого подозрения тут же в спальню просились сих последних молодых посмотреть, но хитрая мамка отвела их и с великим смехом говорила, что ей, яко свахе, сие право только одной принадлежит, как и они подниманы были. Когда же Грунюшка, вставши с постели, совсем оделась и с своею дружиною пришла к девицам, те поздравили ее приходом; а она также не оставила их с Селуянушкою отпотчевать своим благодарением. Принесен был

на стол завтрак, сели молодые кушать, а притом приведены были крестьянские девки для пляски и петья песен, а в ночное время происходила дворянская компания, только Грунюшка всегда ложилась в постелю ранее обыкновенного. По прошествии трех дней дворянские девушки разъехались по домам; а хотя и сестрица Селуянова с сродницею также простилась, но все Святки не отпущена, а для чего — тайна сия кроме одной Грунюшки неизвестна. В сие время так Груня похудела, что как бы двумесячную выдержала лихорадку; и хотя говорят, что мужчины в любви горячее, а женщины упрямее, однако ж, конечно, не Селуянова, но Груняшина страстная любовь и после Святков особливо Селуянушку отпустить не хотела, но, наблюдая к себе от соседей почтение и девичью благопристойность, со слезами простилась. Не меньше тяжело было расставанье и господину Сальникову: давши ему Груня тихонько, вместо подаренных от него мамке пяти, пятьсот рублей, приказала, чтоб он и предъ посещением своим ее не оставлял, а к тому так его со своей стороны обнадежила и положила верный пароль, чтоб ему кроме ее жены, а ей опричь его мужа не иметь, хотя бы не только родительского проклятия, но жизни стоило.

Не только во время святошного торжества в Руси бывают ночные сборищи и забавы, то же

самое случается и об маслечной неделе. Госпожа Кошкодавова приказала на дворе у себя сделать превеликую гору и так же созвать девушек-дворянок: хотя она и имела повеление скоро ехать в Москву к батюшке, но для сего праздника отложила, не позабыла в наипервых пригласить и господина Сальникова сестрицу с ее родственницею, которая и прибыла в женском же, по-прежнему, наряде. Грунюшка приняла их в особливом покое не противу прочих, а отменнее, как первых и ей милых гостей, которые подобно первого не в третий день, а по начатии Великого поста отпущены были и то с досадою и с равным прежнего награждением, сказавши одному Селуяну, есть ли она ему мила и не хочет потерять навеки, то бы вскорости ехал к Москве и нанял квартиру неподалеку их дому на Мясницкой улице.

Как скоро Груняша в Москве появилась, то хорошенькое ее личико, а не меньше великое отцовское имение, которому она только одна наследница, как магнитом, притянуло свататься множество женихов, иных и равного с отцовским чином господчиков, о чем ей батюшка и матушка часто напоминали, чтобы помышляла, которому из них дать преимущество заблаговременно; но она, якобы незнанием ничего, не говоря ни слова, с покраснелым лицом отходила,

дожидаясь своего милого друга Селуяна, который, не замедля также прикативши в Москву, сыскал дом господина Кошкодавова, поздоровался с мамкою, чтоб она о прибытии его изволила доложить своей боярышне, которая, узнавши, пришла в превеликую радость, но не знала, где ему с собою дать первое свидание. Лукавая ж и досужая на выдумки мамка сказала ей: «И, сударыня, кажется, вы уже от младенческих лет давно ушли, а того не ведаете, где своему любезному человеку себя показать и его посмотреть; в Москве не наше дело деревенское — здесь не стыдятся без всякого зазору и невест смотрят по церквам во время службы, а вам уже с ним нечего опаздывать; не изволите ль согласиться на будущее воскресенье поехать со мною к обедне в приход к Николе на Вшивую Горку, а я тихонько возведу и Селуяну Софроновичу, куда он, конечно, как сокол, прилетит!» Груняша с радости много раз целовала свою мамку, называя ее в сих делах немалою мудрицею, способствующею к ее сластолюбивым желаниям и прихотям; написала к Селуяну приятную записочку, нежную и страстную, каждое оной слово вливалось в душу пламень — видно было по всему, что сам дьявол в том ее наставлял! Не могла почти дожидаться назначенного мамкою дня, а во оной и поехала с нею и с одним лакеем и кучером.